

PRO et CONTRA

РЕЦЕНЗИЯ

Татьяна Соловей Валерий Соловей. Несостоявшееся резолюция: Исторические смыслы русского национализма. М.: Феория, 2009. 440с. (Серия "Записки о древней и новой России. Вып. 3)

№ 3-4 (46), май-август 2009

Книга Татьяны и Валерия Соловей — о русском национализме, его особенностях, исторической роли и перспективах. Авторы (брат и сестра) — ученые, историк и этнограф, а сама книга — плод длительного изучения и размышлений. Но пером авторов водил не только научный интерес, но и сильные национальные и политические чувства. Это — страстная и смелая книга, в которой авторы поднимают очень большие темы, не боясь вызвать тем самым всеобщее недовольство: и националистов, и либералов-западников, и властей. В данной рецензии я хочу обратить внимание на основные мысли авторов и указать на их главные ошибки (как я их вижу), не касаясь как многих их ценных наблюдений, так и многих неизбежных в таком труде голословных или чересчур экстравагантных утверждений, неверных оценок и т. д.

Если, неизбежно упрощая, представить себе, что в нашей культуре и в нашей политике борются космополитизм (он же — «западничество», он же, в крайних проявлениях, «руссофобия») и русский национализм, то авторы, безусловно, отождествляют себя с последним. Лагерь «либералов и демократов» для них — чужой и даже враждебный. Татьяна и Валерий Соловей — противники антисемитизма, в котором они видят одну из патологических черт русского национализма. Но их возмущает, и они не боятся об этом сказать, также то, что в российской либеральной среде принадлежность к евреям или какие-то родственные еврейские связи — как бы «пропуск», признак «своего». Их возмущает присутствующая в этой среде «руссофобия». Их возмущает готовность «демократов» — победителей 1991 года, силой навязать народу «западные модели», в чем они видят проявление глубокого недоверия и презрения к русским, ту же руссофобию. Именно это, считают они, в конечном счете привело к совершенно не «западной» системе правления «безальтернативных президентов», передающих друг другу власть. И им обидно за русский народ, который и в 1917-м, и в 1991-м оказался под властью политиков, относившихся к нему, скажем мягко, без особого пиетета. Но именно то, что авторы считают себя русскими националистами, позволяет им писать о национализме так нелицеприятно, как, я думаю, не решился бы написать и завзятый русофоб.

Татьяна и Валерий Соловей полагают, что российское государство в его трех сменявших друг друга формах — самодержавной, советской и постсоветской — было и остается государством «антинациональным». Масса русского народа была в нем материалом для строительства многонациональных империй и обеспечения безбедной жизни денационализированной, космополитической элиты. Империи высасывали соки из русского народа, в котором всегда присутствовало полуосознанное стремление освободиться от имперского самодержавного государства. Это стремление проявлялось в бегстве на окраины, в старообрядческом движении, в мечтах о Беловодье и т. д. Оно проявилось и в революции 1917 года, когда масса русских людей не поднялась на защиту империи а, напротив, сражалась против тех, кто стремился ее восстановить. Полное безразличие русских, во всяком случае на деле, а не на словах, к судьбе империи в ее новой советской форме проявилось и в 1991-м, когда для спасения СССР никто не то что не пожертвовал своей жизнью, а и пальцем не пошевелил. И в революции 1917-го, и в революции 1991 года был элемент русского национального восстания против империи. Но обе империи свергались не под русскими националистическими, а под «космополити-

ческими» лозунгами. В результате русские снова оказывались в «антинациональном» имперском государстве.

Авторы дают, на мой взгляд, правильный анализ объективно антиимперской роли русского национализма. Национализм «главного народа» в многонациональном имперском государстве — антиимперский, ибо, стремясь к «национализации» империи, он ускоряет процессы становления других национализмов и подрывает традиционную лояльность к имперской власти. В Российской империи немцы, финны, армяне и т. д. могли быть лояльны к империи Романовых (немцев по крови), но они не могли быть лояльны к государству, которое объявило бы себя империей русских. Но национализм в какой-то мере подрывает и русскую лояльность империи, ибо из традиционалистски безусловной объективно превращает ее в обусловленную национальным характером имперского государства. (Национализм все-таки идеология нового времени, эпохи становления демократий.) Императорская власть понимала это. Она стремилась ограничить русский национализм, хотя в ситуации, когда традиционалистская легитимность подвергалась эрозии и требовался поиск новых идеологических опор, перехватывала его лозунги. А в трудную минуту использовала его, натравливая черносотенцев на «жидов и студентов». Русский национализм начала XX века при всем его монархизме, при всей его ненависти к либералам и революционерам был одной из идейных сил, подрывавших империю.

Еще более очевидна роль русского национализма в разрушении Советского Союза. Идеи «национализации» советского государства и переосмысление его как русского способствовали росту «окраинных» национализмов. Русские националисты сформулировали всю ту аргументацию, которую позже использовали западники-демократы в борьбе с союзным центром (Россия в СССР подвергается эксплуатации, ее ресурсы перекачиваются в другие республики, русские живут хуже других советских народов, в России нет своего ЦК, своих академий и т. д.). Мысль о возможности выхода России из Советского Союза впервые озвучили не демократы-западники, а писатель-националист Валентин Распутин. И все шаги Ельцина с демократами, направленные на разрушение союзного государства (объявление суверенитета России, введение поста президента — вплоть до Беловежских соглашений), поддерживались националистически настроенной частью российских депутатов. Это уже потом они стали рвать на себе волосы, осознав, что произошло. Дважды русские националисты участвовали в разрушении империй, но дважды плоды их трудов доставались другим.

Татьяна и Валерий Соловей раскрывают особенности русского национализма, обрекавшие его на поражения и политическое бессилие. Русские националисты никогда не были способны предвидеть последствия собственных идей, сделать из своих посылок вытекающие из них выводы. Объективно стремление к национальному русскому государству было антиимперским. Ведь «Россия для русских» с неизбежностью предполагает «Польшу для поляков» (а сейчас, очевидно, — «Чечню для чеченцев»). Но объективная антиимперская направленность никогда не становилась осознанной. Националисты всегда хотели принципиально невозможного — национального русского государства, которое продолжало бы быть империей, не отдавая ничего из завоеванного ей. Даже голосуя за суверенизацию России и за Беловежские соглашения, националисты надеялись, что постсоветское пространство каким-то образом все равно останется «нашим». Народ, конечно же неосознанно, стремился избавиться от бремени империи, логика национализма требовала антиимперских лозунгов, но национализм никогда их не выдвигал.

Равным образом из «объективного демократизма» национализма, постулировавшего приоритет этнических связей над сословными и классовыми и предъявлявшего требования к верховной власти, националисты никогда не делали демократических выводов. Они всегда были не просто лояльны, а «агрессивно послушны» верховной власти, мечтая о том, что эта власть (цари, ЦК, Горбачёв, Ельцин, Путин) сама станет «национально русской». Национализм никогда не мог предложить какой-то позитивной программы решения реальных социальных проблем, действительно жизненно важных для народа. Поэтому он был обречен быть игрушкой в руках имперских властей и регулярно терпеть

поражение от космополитических прогрессистских сил, путь которым к власти он сам и прокладывал своей разрушительной работой. Но почему же он такой?

И здесь логика авторов «дает сбой». Если я их правильно понимаю, они считают, что все эти черты не «сущностные» и что возможен иной национализм, сознательно антиимперский и не зависящий от авторитарной власти. Такой национализм приведет к нормальному национальному (демократическому?) государству, существующему для народа, а не для элиты, которая отождествляет себя больше с чужеземными элитами, чем со своим народом. Короче говоря, возможен «русский национализм с человеческим лицом». «Несостоявшаяся» национальная революция в конце концов может состояться. Авторы стараются не переходить в политическую плоскость и не раскрывают до конца свои политические мечты, что порождает некоторую недоговоренность, невнятность. Но эти мечты все-таки пробиваются на поверхность.

Я не уверен, что тот образ «русского национализма с человеческим лицом», который есть у авторов, вообще можно назвать национализмом. Ведь национализм — это не просто стихийные и спонтанные патриотизм и этническое чувство. Национализм — это постулирование высшей ценности своей этничности. Если сказать совсем попросту, национализм неотделим от «хвастовства», приписывания своему этносу каких-то прекрасных черт или изображения его черт как прекрасных. Но такое приписывание всегда отталкивается от каких-то реалий, националистическая мифология строится на реальной истории, приукрашивая ее. Украинские националисты могут говорить, что с Украины в темную Северную Русь пришли христианство и культура, изображать гетманское государство XVII века как протодемократию, утверждать, что в Украине была создана первая письменная демократическая конституция и т. д. и т. п. Но никакой украинский националист не может хвастаться тем, что украинцы — создатели величайшей империи в мире, или утверждать, будто украинцам свойственна самодержавная форма правления и это — прекрасно. Просто потому, что у украинцев не было ни своей империи, ни своего самодержавия. Русский национализм отталкивается от реальных черт русского народа и его истории: это в основном история деспотических форм правления и строительства империй. Средневековые Новгородская и Псковская республики могут быть свидетельством того, что деспотизм не имманентен русскому народу, но они были давно, их уничтожили сами русские, и их нельзя положить в основу националистического самоутверждения. Почему русский национализм — такой, какой он есть? Да потому что такова русская история и русская культура. Объективно он может способствовать эрозии империй и деспотических режимов. Но субъективно антиимперским и демократическим он быть не может. Авторам претит русский национализм в его теперешнем виде. Но, перефразируя известное высказывание Сталина, можно ответить авторам: «Других национализмов у нас нет».

Вторая кардинальная ошибка авторов связана с русофобией. Татьяна и Валерий Соловей ненавидят русофобию и называют отношение либералов-западников к собственному народу «похабным». Между тем совершенно ясно, что русофобия, как и русский национализм с его особенностями, — органический элемент русской культуры. Без нее вообще нет русской культуры нового времени — даже не с Петра, а с допетровских времен. Наша русофобия и наш национализм произрастают из одного корня. Если страна объективно отстает в своем развитии, если она вновь и вновь воссоздает авторитарные формы правления в то время, как демократия давно уже перестала быть «западной» и стала общемировой нормой, и эта отсталость осознаётся (а то, что это осознаётся, говорят все опросы общественного мнения), психологически возможны две реакции. Первая — националистическая, заглушающая чувство ущербности хвастовством. «Мы отсталые, но духовно мы выше всех, империя у нас — громадная, а демократия — гадость». Вторая — «русофобская». Аналоги русофобии в виде всяких «китаефобий» и «латиноамериканофобий» есть во всех отстающих странах. Ни один наш русофоб не писал о России с такой горечью и злобой, с какой Лао Шэ писал о Китае. И как русский национализм и русофобия имеют общий корень, так они и взаимно питают друг друга. Если национализм утверждает имманентность для русского народа империи и авторитарного

правления, то естественно, что демократизм и антиимперскость приобретают русофобский оттенок. А это, в свою очередь, вызывает националистическую реакцию.

И национализм, и русофобия — естественные порождения и проявления русской культуры, культуры страны, которая хочет стать вровень с передовыми демократическими странами, но пока никак не может. Это — две естественные реакции на данный факт и два проявления глубочайшего национального невроза.

Авторы пишут: «...Позитивная оценка собственной группы является психической нормой, а ее низкая оценка — симптомом психического неблагополучия» (с. 29). С этим можно согласиться, но с оговоркой: если эта позитивная оценка основана на реальных достижениях, а не является позитивной оценкой того, что объективно плохо. Если ребенок плохо учится и утверждает, что учеба — чепуха, психической нормы здесь нет. Неудачи в создании государства, служащего своему народу (а это может быть только демократическое государство), — вполне объективны для русских, и проистекают они из объективных «пороков», которые никак не могут оцениваться позитивно. Построение такого государства остается объективной задачей.

И русофобски заниженная оценка собственных возможностей, неверие в силы своего народа, подрывавшие попытки установления демократии, и националистическое хвастовство собственными пороками мешают реализации этой объективной задачи. Для построения «нормального» государства необходимо преодоление и того и другого. Окончательно «нормальным» русское самосознание может стать лишь в «нормальном» государстве. Но чтобы такое государство могло возникнуть, определенная работа по «нормализации» сознания должна идти уже сегодня. Это очень трудная и мучительная работа. Но все-таки она идет, и рецензируемая книга — свидетельство такой работы и психологических мук русских патриотов (националистами я авторов книги все же не назвал бы), в которых хочется видеть муки рождения новых, не патологических форм русского национального самосознания. ■